

ДРАКОНЫ ЮЖНОГО ВЕТРА

Степные сказания

ЧУДО ЖЕЛУДЕВОЕ, ЧУДО РОДНИКОВОЕ И ЧУДО ВАСИЛЬКОВОЕ

Ой, давно это было. Так давно, что и памяти бы не осталось, кабы не южный ветер. Он эту легенду из века в век по свету носил да в кукушкиных гнездах прятал. Однажды сорока в старом гнезде порылась и легенду ненароком нашла, клювом любопытным расковыряла — та возьми да рассыпсья в прах. Куда ветер труху развеял — там в полях васильки расцвели. Кто из васильков венки плел — тому легенда на ум открылась. Стали те легенду белокурые девушки по берегам рек в хороводах распевать. Ковылял по теплой тропинке бродяга переходный — встал, как зачарованный, заслушался. Ну, так и вы послушайте, коль охота.

* * *

В старые стародавние времена с трех чуждедалных сторон прямо посреди нашенской земли сходились три невидимые дороги. Место то на весь белый свет заветное было. К нему раз в сто лет в безлунную ночь, звездным ходом предвещенную, по трем дорогам из неведомых туманных краев являлись три седых кудесника. И всегда было так, что один приходил со стороны могучей дубравы, другой со стороны чистых озер, а третий — со стороны степи бескрайней. И никто за тыщи лет никогда не видел их тайных встреч: ни тварь лесная, ни птица небесная, ни рыба безмолвная, ни даже месяц-верхогляд. Пока как-то раз, на беду, не случилось-таки быть одному нечаянному свидетелю.

На ту пору, надо ж такому стать, неподалеку в чистом поле умирал в ковыль-траве ранами истерзанный Буканай, дикий лихой человек. Весь в шерсти косматой, персты — что когти звериные. Смерть над ним уж низко склонилась. Открыл он в предпоследний раз мутные глаза и видит: синий колдовской огонь в кромешной ночи. Собрал остаток сил, подполз, сколь мог, к тайному разговору, затаился. Старцы-волхвы вокруг ясного костра чинно сидят, отвар колдовской из пиаля попивают, про дела колдовские беспечно тарабарят, друг перед дружкой умением похваляются. Дикий-то Буканай в кустах дух колдовской учуял — в тот же миг ему в ранах облегчение пришло: отвар у волхвов, понятно, не простой, в чудесном котле из волшебных желудей да на живой родниковой воде приготовленный! Вдохнул Буканай раз, вдохнул другой и такую могучую силу в теле почувствовал, что смерть от него на триста лет отказалась.

Погуторили волхвы до утренней звезды. Перед рассветной зарей пиаля халатами вытерли, в чудесный котел свой сложили, белым руном котел хрустальный бережно увернули и — под крышку в ларец яхонтовый. Ларец же под ракиновым кустом схоронили. Раскланялись бородами благостно и разошлись неспешно каждый своей дорогой.

Чуть скрылись они, Буканай разрыл тайник, схватил ларец, помчал диких родичей скликать. Зачерпнул в лесном болотце водицы зеленой, натолк ногой в хрустальном котле желудей, накормил всех чаромутной похлебкой, и пошли они, злыдни косматые, по белу свету злой колдовской силой царства крушить, народы человеческие изничтожать. Скоро не осталось по всей земле до самых ее дальних пределов ни одного живого города, ни одного селения. Только страшные горы черепов повсюду грозно белели. Погибли все богатыри, все пахари, все мастера. И жрецы все, и цари. Людские дворы терновником заросли, царские терема пожарами обуглились. Остался за Буканаем по всей земле черный моровой след.

Тогда только понял душегуб косматый, что нет ему со всего этого никакой пользы. На кой ему такая скорбная добыча, когда одни мертвецы вокруг? Да как теперь ту беду исправишь? Одичали сады, иссохли поля. Стало повсюду мерзкое запустенье на сто лет.

Выждал хитрый Буканай, когда старцы-волхвы снова к заветному ракиновому кусту сошлись. Всю ночь в засаде подлый ушкунник просидел, каждую мелочь высмотрел, каждое слово подслушал. Стоят мудрые головы вокруг синего бездымного костра, сокрушаются. Отчего это в мире людей судьба к гибели повернулась? Уж не

звезда ли хвостатая тому виной? Иль другая какая причина?... Но вот угас колдовской костер, раскланялись белые бороды, разошлись восвояси.

Буканай, рассвета дождавшись, сразу в озерный край подался. Долго ли, коротко ли добирался, отыскал под заветным белым камнем неприметный родничок, про который волхвы ночью поминали. Набрал полный бурдюк живой воды и, возвратясь, велел своим псам, чтоб по всей земле в каждый колодец каплю той живой воды донесли, а после водой колодезной мертвые косточки окропили. Ожили убитые люди да стали рабами Буканая. Землю пашут, серебро в рудниках промышляют. Буканая, детей его и внуков да весь род его кормят, ублажают. Все как будто хорошо.

Идут годы. Может, полвека минуло. А может, и все полтора. Стал Буканай царем царей: в палатах на подушках лебединых почивает, соколиной да псовой охотами тешится. В пылу охоты однажды как-то завел его лесий в дальний забытый край. Открылось ему с холма зрелище причудливое — затерянный в чаще древний город. Въехал в город Буканай — и диву дается. Улицы широкие, белым камнем мощеные. Стоят дворцы просторные, с башнями игольчатыми; в палатах узорчатых — высокие зеркала. Из мраморных цветов родники журчат. Отчего это у древнего народа все так ладно да лепо было? А у него, царя царей, блюда на столе хоть и серебряные, да кривые? Задумался Буканай.

Вернулся в свое логово, наказал в сердцах, чтоб свезли к нему лучших мастеров со всего света. Прибыли мастера, каждый со своей лучшей работой. «Какой секрет от меня прячете, подлецы? Прадеды ваши вон какие искусные мастера были! Почему же вы у меня уроды криворукие, бесталанные?»

Стоят мастера, не шелохнутся, очи в землю. Подошел Буканай, в глаза каждому заглянул — а глаза у мастеров как есть неживые, от страха стеклянные. Осерчал, было, Буканай, да понял: хоть кричи, хоть режь — от таких мастеров толку не ждать.

Так и жил бы с досадой дальше, однако ж с той поры неотступная мысль все лютей его донимать стала. Постыло ему все сделалось. Закручинился. Сладких медов не пьет, ночей не спит, мается. И тут только вспомнил вдруг посреди бессонной ночи про заветный ракитовый куст! Вскочил на коня и помчал во весь опор сквозь тьму непроглядную. Скачет по степи, а ему впереди все волшебный синий огонь мерещится. Долго скакать довелось, очень долго. Загнал вороного коня Буканай. За миг до рассвета только к месту добрался. С одной стороны тысячелетняя дубрава шумит, с другой степь, как живая, колышется, с третьей озера в утренней дымке мерцают, с небесными облаками отражениями перекликаются. Посередке огонь, волшебный синий цветок, догорает. Сел перед угасающими углями старый Буканай и просидел в задумчивости до самой последней искорки.

Сказывают, в тот год царь Буканай всем свободу объявил. А когда пахарей отпускал, наказал, чтобы васильки по всей земле вольно росли. В память о волшебном синем огне, через который ему в земной жизни красота открылась.

СЧАСТЬЕ УТМУНУ

Бунзунга — хороший колдун. Не то что хвастливый и жадный Нузбун. Бунзунга тайными силами повелевал по-настоящему. Поливал дождями землю, когда требовалось, а не раз в три года по большому одолжению. Поливал обильно и не требовал за это тучных коров. Люди амба-валамба были сыты, веселы и здоровы, пока бил в барабан Бунзунга. А тот колотил в барабан добросовестно. Колотил безостановочно днем и ночью. Все слушали, и никто не смел отвлечь колдуна от магического действия пустяжными просьбами. Очень много ночей и дней гремел барабан Бунзунги. Полная луна бесчисленное число раз вызревала из небесного стручка, умирали старики, рождались и подрастали младенцы, мальчики становились охотниками, росли виширь и ввысь деревья, деревня отодвигала свою околицу все дальше. А неутомимый Бунзунга в упоительном самозабвении колотил и колотил в барабан, не прерываясь ни на миг. Над окрестностями стоял гул, привычный и для людей, и для домашних животных, и даже для диких зверей. Даже седой Утмуну, чей точный возраст в деревне не знал никто, уже начинало казаться, что неистовый барабан звучал всегда. Хотя когда-то...

С каждой новой луной у народа амба-валамба росла гордость за своего колдуна. А у ленивого и жадного Нузбуна росли недовольство и злоба.

И вот однажды замолк барабан. Женщины переполошились, бросили вязать снопы в полях. Охотники поспешно вернулись из лесных вылазок. Примчалась жизнерадостная деревенская детвора. Всей деревней озадаченно окружили помост колдуна. Долго молчал Бунзунга, пристально вглядываясь в лица, а потом заговорил хриплым голосом:

— Никто не приходит на землю навечно. Чересчур тяжела жизнь на земле. Рано или поздно для каждого уставшего спускается с небес веревка, чтобы мог он вскарабкаться и отдыхать после земных трудов на мягких облаках. Высоко в бескрайней небесной обители отдыхают от земной жизни наши предки. Пришел и мой черед отправляться в небесное путешествие. Я хотел сделать многое, а успел очень мало. Поэтому вот, что я решил. Я останусь здесь и свои последние силы потрачу на то, чтобы каждый из вас получил на земле долю счастья.

Ударил в барабан старый Бунзунга — сверкнула молния, треснул могучий ствол дерева боси, что с незапамятных времен стояло посреди деревни. Отверзлось большое дупло, в которое мог войти, не сгибаясь, не только ребенок, но и самый рослый охотник.

— Заходите поодиночке внутрь. Как и я, это дерево знает каждого из вас. Загадывайте желание, и все непременно сбудется! — воздев руки к своему народу, провозгласил Бунзунга и, обессиленный, распластался на помосте подле развалившегося в хлам барабана.

Возликовали люди, побежали к дереву.

Охотники, перемигнувшись, сразу загадали себе большой чан крепкой браги и предались безобразному пьянству. Лишь юный Мбгуну захотел копье воина с настоящим латунным наконечником и немедленно отправился охотиться на льва, повадившегося таскать овец из деревенского стада.

Почти каждый ребенок загадал себе горку душистых лепешек с медом. Лишь маленькая Аомбу загадала, чтобы к ней вернулся целым и невредимым утонувший в реке брат. Огромный крокодил вынес на берег и с поклоном оживил мальчика.

Глупые женщины, включая старух, загадали себе целые гроздья всевозможных бус, браслетов и гирлянды из орхидей, чтобы быть лучше других. Даже давно ослепшая от ядовитого паука Кибунда загадала себе какой-то черепаховый амулет вместо новых глаз.

Старики возжелали себе черные, как у юношей, шевелюры и юных пышнотелых жен.

В толчее и суете никто не успел опомниться, как хитрый Нузбун загадал, чтобы все плодородные земли со всеми колодцами, а также все до одной коровы, овцы и даже куры стали принадлежать ему. На каждом животном появилось клеймо жадного Нузбуна.

Тогда кто-то забежал в дупло — и тут же колодцы высохли до дна, на поля упала саранча, и в деревню ворвался бешеный слон, чтобы разметать просторную хижину Нузбуна.

Завистливая бездетная Мусгу втихаря прокляла и погубила внезапной чумой стайку веселых соседских карапузов. Соседи сразу догадалась, чьих злых чар это дело. Не долго ликовала Мусгу: из леса прилетел рой ядовитых мух и закусал ее до смерти.

Среди бедлама, позорных бесчинств и накликаемых бед никто не заметил, как седая Утмуну взошла на помост к бездыханному колдуну, взвалила его на себя и, едва передвигая ноги, понесла к волшебному дуплу. Вошла внутрь дерева боси и загадала легкую дорогу на небо. Для себя и для Бунзунги. Чтобы больше уже им никогда не разлучаться.

Не стало на земле справедливости, взаимовыручки, почитания старших и превосходства разума над силой. И никогда уже больше люди амба-валамба не были сыты, веселы и здоровы. Колдун Бунзунга, отдыхая на заоблачных перинах от земных трудов, избегал смотреть в сторону несчастной деревни. И только прекрасная Утмуну, как и прежде, с обожанием смотрела на своего присмиревшего возлюбленного.

ЧУДЕСНАЯ АЛУТЭ

*И неизвестно, Чжуан Цзы ли снилось, что он бабочка,
или же бабочке снится, что она Чжуан Цзы...*

У Алутэ зоркие глазки. Летящего дракона всегда издалека видит, лишь только тот появится на линии горизонта. Но сегодня Сянь Жэнь застал ее врасплох. Появился неожиданно.

— Ты зачем прилетел, Сянь Жэнь? Ведь я не звала тебя!

— Разве не звала? — хитрит дракон. — А мне показалось, волшебная свирель заиграла...

— Нет, не играла, — Алутэ звонко смеется. — И тебе распрекрасно это известно. Или, может, старого дракона стали подводить уши? Ай-ай, что скажет царь драконов, когда узнает?

Сянь Жэнь, дракон Северного моря, на это, конечно, молчит. Не может же он сказать, что царь драконов Лун Ван любит Алутэ так же, как обожают ее драконы четырех морей. Всегда издали ею любит. Алутэ — красивая девочка. Лет через пять станет самой прекрасной невестой в Кантоне. Но не это главное. Главное — что у нее золотое сердце, самое доброе во всей Поднебесной. Вот и сейчас, ведь это Лун Ван прислал Сянь Жэня: лети, говорит, позаботься об Алутэ. А Сянь Жэнь и рад. Да и любой из драконов четырех морей был бы рад такому поручению. Все они готовы прилететь на помощь Алутэ по первому зову волшебной свирели...

— Хочешь, — говорит дракон, — я принесу тебе рисовых лепешек? Горячих, прямо со сковородки? Или жареную рыбу?

— Нет! — строго говорит Алутэ.

— Но ты же ведь хочешь лепешек. И рыбы хочешь, я же знаю!

— Если ты можешь читать мысли, это еще ничего не значит. Ну тебя, Сянь Жэнь! Самые вкусные лепешки печет тетушка Хэ Асин. Во всем Кантоне никто не стряпает лучше нее! Но если ты возьмешь у нее хотя бы одну